

Юная баронесса Алисия Зиммерштадт сидела в спальне перед зеркалом, готовясь ко сну. Пылал камин, в потемневших окнах отражались огоньки свечей. Зима в этом году выдалась на редкость промозглая. Из-за тумана и туч, которые почти не рассеивались, в Аддисберге вечерело рано. Горожане едва успевали тушить огни после долгих утренних сумерек, как приходилось снова зажигать их при наступлении раннего вечера.

Пока служанка расчёсывала на ночь её роскошные тёмно-каштановые волосы, Алисия рассматривала своё отражение в зеркале. Ей только что принесли букет от герцога Мариано Де Пре, её жениха. В записке было всё то же самое: герцог признавался в любви и назначал свидание.

— Вы не виделись с герцогом целую неделю, — заметила служанка. — Он наверняка недоволен, что вы не поехали сегодня на бал.

— Но я же больна, — возразила Алисия капризно. — Здешний климат вреден для меня, и притом в доме постоянные сквозняки. Даже здесь сквозит.

И правда, несмотря на пылающий камин, особого тепла в спальне не чувствовалось. Городской туман, казалось, проникал сюда через все щели.

Баронесса плотнее укутала плечи в шиншиловый мех.

— Передай посыльному герцога, что моя инфлюэнция ещё не прошла, — прибавила она.

— Однако у вас нашлось время дважды съездить к тому молодому художнику с Гончарной улицы, — возразила служанка.

— Ну да, потому что мистер Росс пишет мой портрет, — ответила баронесса. — По заказу герцога Мариано, между прочим. Портрет — это его идея, и художника выбрал тоже он.

— Сегодня я ездила к мистеру Россу по просьбе нашего управляющего, узнать насчёт портрета, — как бы между прочим сказала служанка.

— И что? — воскликнула Алисия — слишком, может быть, живо, чем требовалось.

— Портрета он не показал, сказал, что ещё работает над ним. Зато я увидела его самого. Это такой красавчик! Не удивительно, что вы при своей болезни находите время ездить к нему.

— Приходится, — ответила баронесса с притворным вздохом. — Хотя позирование так надоедает... Но что не сделаешь ради Мариано! Ему захотелось иметь к свадьбе мой портрет, значит, так тому и быть.

За окном в парке, окружающем особняк, закричала сова. В коридоре откликнулось эхо, и Алисия непроизвольно вздрогнула. Она ещё не привыкла к этому большому старому дому, доставшемуся ей в наследство. Его тёмные комнаты и гулкие пустынные коридоры пугали и тяготили её.

Она отпустила служанку, сказав, что будет читать перед сном. В постели она раскрыла книгу. Но чтение не шло. Из её мыслей не уходило смугловатое, с большими карими глазами лицо Деймона Росса.

Внезапно в спальне послышалось какое-то странное шевеление. Что-то шлёпнулось сверху на туалетный столик, и на нём со звоном упал флакон с духами. Алисия посмотрела туда и отпрянула в страхе. Крик застыл в её горле...

Перед ней на столике, возле горящей свечи, сидело нечто отвратительное и доселе невиданное. Существо было величиной с жабу и покрыто густыми короткими волосами.

Лишён волос был лишь трубчатый хоботок дюймов шести в длину, увенчанный крупной лоснящейся картофелеобразной головкой с разрезом на конце. Хоботок топорщился, чуть заметно подрагивал и был направлен прямо на Алисию.

Несколько мгновений девушка сидела неподвижно, охваченная ужасом, не сводя глаз с уродливой твари, неизвестно как очутившейся в её спальне. Она опомнилась только когда тварь подпрыгнула и шмякнулась ей на колени. Дико завизжав, баронесса скинула с себя тварь, вскочила и опрометью бросилась в коридор.

На её крик из соседней двери выбежала служанка.

— Что с вами, сударыня? Вас что-то напугало?

— Там... — только и могла выговорить баронесса.

— Что такое? — допытывалась служанка. — К вам кто-то вошёл?

Испуганная Алисия больше знаками, чем языком, пыталась описать странное существо.

— Оно... такое тёмное, покрыто волосами... прыгает как лягушка...

— Уфф... — облегчённо выдохнула служанка. — А я уж подумала, что воры... Наверно, это крыса. Хотя откуда бы ей у вас взяться?

— Нет, это не крыса.

— Не волнуйтесь, сейчас я посмотрю.

Служанка заглянула в спальню. Сначала она осматривала помещение несмело, но потом, убедившись, что там никого нет, принялась заглядывать во все углы.

— Что вас могло напугать?

— Сама не пойму, — Алисия стояла в дверях. — Оно сидело вон там, на столике.

Служанка пригляделась. На туалетном столике, действительно, могло что-то сидеть, потому что баночки были раскиданы, а флакон опрокинут.

— Конечно, это крыса, — сказала она убеждённо. — Можете спать спокойно, она убежала и больше не появится. Утром скажу дворецкому, чтоб всё здесь осмотрел получше.

Алисия знала, что это не крыса, но спорить не стала. Всё равно она не смогла бы толком описать существо, явившееся перед ней всего на несколько мгновений. Оно что-то ей смутно напоминало, но что — девушка никак не могла сообразить.

Служанка зажгла ещё две свечи и ушла, попросив в случае чего подёргать шнур колокольчика над кроватью. В спальне снова наступила тишина. В памяти Алисии всплыли семейные предания о привидениях, которые будто бы появляются в этом доме. Она плотнее закуталась в одеяло и решила постараться заснуть. Но сон не шёл. Баронесса лежала, прислушиваясь к звукам.

Внезапно что-то шлёпнулось на пол возле самой кровати, как будто прыгнула большая лягушка. «Она вернулась!» — в смятении подумала Алисия, покрывшись ледяным потом. Ещё через мгновение тварь шлёпнулась прямо ей в постель и тут же проникла под одеяло. Когда жуткое животное коснулось её голой лодыжки, страх перерос в панику. Ком встал в горле баронессы, не давая перевести дыхание. Скованная ужасом Алисия могла лишь медленно отодвигаться от зловещего существа, пробирающегося между её ногами.

Тварь была тёплой и волосатой, и она неотвратимо подбиралась к интимной створке.

Наконец потный хоботок коснулся половых губ Алисии и стал тереться об них.

Внезапно Алисия почувствовала, как хоботок своей головкой проталкивается ей в промежность... Её всю сотряс озноб, пальцы судорожно скомкали простыню. Боль от разрыва девственной плевы заставила вскрикнуть, и в следующий миг Алисия бессильно откинулась

на подушку. Бороться с назойливой тварью, втиснувшейся ей во влагалище, не было никакой возможности. Единственное, что оставалось — отдаться на милость провидения, надеясь на то, что тварь не убьёт её.

Минута тянулась за минутой. Головка сновала во влагалище, перемещаясь взад и вперёд. Алисия с замиранием ждала, когда же зубы твари вонзятся в её плоть. Но ничего подобного не происходило. Боль от разрыва девственной плевы была единственной болью, которую причинило ей странное существо. Движения головки понемногу ускорились. Головка и весь хоботок сделались скользкими, их движения стали доставлять баронессе удовольствие. Нервное напряжение отпустило. Алисия слегка расслабилась, легла удобнее и обхватила бёдрами удивительную «жабу».

Толчки хоботка сделались судорожными, прерывистыми; внезапно Алисия ощутила, как какая-то жидкость изливается ей во влагалище и сочится по её паутины тягучими струями. Ей хотелось потрогать тварь руками, но она боялась. Обмякший хоботок выскользнул из створки; тварь отлипла от Алисии и двинулась в обратный путь вдоль её ног.

Влажным комом тварь свалилась с кровати. Послышались удаляющиеся усталые шлепки, перемещавшиеся к углу спальни. Только когда наступила тишина, девушка приподнялась на кровати. Свечи озаряли только небольшую часть спальни, но Алисия всё же на секунду снова увидела тварь. У неё были небольшое округлое волосатое туловище и обмякший хоботок. Ни лап, ни глаз заметно не было. Головка на хоботке, ещё совсем недавно такая крупная, лоснящаяся, теперь съёжила и почти вся скрылась в грубых складках кожи.

Тварь подпрыгнула, прилипла к стене и растворилась в полумраке. И только тогда Алисия вспомнила. Вернее, её осенило. Тварь была похожа на мужской член!

Поражённая, она откинулась на подушки и пролежала, не сомкнув глаз, всю ночь. Сразу позвонить в колокольчик она не решилась, а после, по некотором рассуждении, решила сохранить всё в тайне. Загадочное происшествие вызовет вопросы, на которые она не сумеет ответить.

Утром она нашла на простыне следы засохшей спермы и несколько пятен крови.

Спустя неделю после описанных событий подобное же происшествие случилось в особняке одного из богатейших людей Аддисберга — графа Чарльза Кампана.

Тереза, 35-летняя, очень эффектная жена графа, светская львица, непременная участница всех аддисбергских балов и салонов, вернулась домой, как всегда, поздно. Наскоро перекусив и переодевшись, она отправилась в спальню. Там она долго раздевалась при свечах, не без удовольствия разглядывая в зеркале своё белое тело с крупными бёдрами и большими полуширьями грудей.

Услышав осторожный стук в дверь, она поспешно задула свечи и легла в постель. Набожная христианка, она стыдилась показываться голой при мужчине, пусть даже этим мужчиной был её муж. Их соединения всегда происходили в кромешном мраке. В первые дни супружества граф бунтовал, но Тереза была непреклонна.

Дверь приоткрылась. В освещённом проёме показался силуэт мужа.

— Входи быстрее, — сказала Тереза. — И не забудь запереть за собой.

Граф вошёл и оказался в полной темноте.

— Душа моя, сегодня я устал, поэтому в ротик, — проговорил он, запирая дверь на щеколду.

— Как хочешь, милый, толькотише, прошу тебя.

Она слышала, как муж кряхтит, раздеваясь. В темноте он наткнулся на спинку кровати,

отчего всё супружеское ложе тряхнуло. Граф коротко простонал и не удержался от ругательства, на что Тереза зашипела:

— Ругаться в спальне! Тяжкий грех!

— Прости, душа моя.

Он нашарил подушку и край одеяла, которым укрывалась супруга, и взгромоздился на кровать. Затем нашёл голову, шею и грудь жены. Граф завис над ней, обхватив ногами её торс и расставив колени у неё под мышками. Тереза почувствовала хорошо знакомый ей запах пота, исходивший от промежности графа. Довольно вялый пенис коснулся её носа и губ.

Головой она не двигала, так что двигаться пришлось супругу. Пенис с оголённой головкой тёрся об её щёки, глаза, лоб, но чаще вертелся возле её полураскрытых губ, тщась проникнуть между ними. Иногда Тереза полизывала головку, не без удовольствия чувствуя, как она твердеет. Решив, что головка отвердела достаточно, она стала понемногу принимать её в рот. Сначала — самый кончик. Графа это распаляло. В какой-то момент он обхватил руками её голову, сведя ладони на затылке, и резко подал её на себя, стремясь ввести налившийся соком член как можно глубже, но Тереза продолжала игру. Она не впустила его слишком глубоко, задержав языком. Граф громко засопел, задвигался. Его нависший над головой Терезы живот, поросший жёсткими волосами, тёрся об её лоб; пенис с каждым ударом проникал всё глубже. Растительность над мошонкой щекотала нос и проникала в ноздри, мешая графине дышать; ей приходилось делать глубокие вдохи и задерживать дыхание; её грудь вздымалась. Пенис супруга находился уже глубоко в её горле, когда она почувствовала, как что-то коснулось её ног. Что-то живое, мохнатое, величиной с крысу.

Она затряслась от страха, когда неизвестная тварь добралась до бёдер. Её дрожь ещё больше распалила графа, который решил, что она возбудилась. Он задвигался энергичнее и тихонько застонал. Тереза, с дергающимся членом во рту, тоже застонала, но не от удовольствия, а от ужаса. Она попыталась рукой дотянуться до твари, но ей мешали ноги супруга. Она замычала громче, попробовала вытолкнуть изо рта пенис, но графа остановить было невозможно. Он громко стонал, чувствуя надвигающийся оргазм. Сперма из глубин фаллоса поднялась до головки и на несколько мгновений задержалась в ней; граф замер.

И в этот момент Тереза ощутила хорошо знакомое ей движение мужского пениса, втискивающегося в её интимную расщелину. Тоненько промычав, она тоже замерла. Неведомый пенис начал двигаться, погружаясь все глубже.

Лоб Терезы покрылся испариной; она замычала громче, не в состоянии закрыть рот, тем более граф в эту минуту начал прыскать спермой. И вдруг она ощущила, что неизвестный пенис тоже выплёскивает в неё жидкость. Она забилась в панике.

Граф, отдуваясь, вытащил член у неё изо рта. И только тут она закричала.

— Чарли, Чарли!...

Крик получился сдавленным, тихим, похожим на хрип.

Граф встревожился.

— Что с тобой, душа моя? Тебе плохо?

— Там... там... — только и могла выговорить она.

Тереза протянула руку, чтобы оттолкнуть животное, и вдруг пальцы её нашупали мохнатую мошонку и пенис, уже обмякший после акта. Она касалась их всего доли мгновения, но сомнений быть не могло: это были именно мужские гениталии!

Неужели какой-то наглец, воспользовавшись темнотой, совершил с ней акт? Но этого быть не

могло: она почувствовала бы его тело. Нет, это были одни только гениталии, которые в следующий момент отпрянули от неё, проявив неожиданную прыть.

Изумлённая и напуганная женщина всё-таки взбрекнула ногой, пытаясь достать незнакомца, но удар пришёлся по воздуху. Никакого незнакомца не было.

Что-то шлёпнулось на пол возле кровати, и это был явно не муж, который тоже спрыгнул с кровати, только с другой её стороны.

— Здесь кто-то есть! — взвизгнула Тереза. — Зажги же, наконец, свечи!

Муж впопыхах наткнулся на туалетный столик и чуть не опрокинул его. Пока он сновал по нему руками, разыскивая спички, Тереза поджала ноги, запустила руку в промежность и пальцами сняла с себя капли жидкости, выпущенные неизвестной тварью. Этой жидкостью были вымазаны не только её бёдра, но и простины. Тереза поднесла пальцы к носу. Понюхала их. Пальцы пахли спермой...

Граф наконец нашёл спички и начал зажигать свечи. Вскоре горели все четыре. Помещение осветилось. Граф с подсвечником прошёлся по спальне. Тереза сидела на кровати, сжавшись в комок и натянув одеяло по самые глаза.

— Дорогая, здесь никого нет, — он подошёл к двери. — И, похоже, не было. Дверь заперта на щеколду.

Снова послышались шлепки, как будто по полу прыгала жаба. И тут, наконец, граф заметил странное существо, показавшееся ему похожим на жирного мохнатого паука. Тереза тоже увидела его и дико закричала. Граф схватил со столика флакон и запустил им в тварь, но промахнулся. Тварь скрылась за оконной гардиной. Граф тут же сорвал её. Но ни на подоконнике, ни на полу твари не было. Она исчезла.

Самые тщательные поиски результата не принесли. Пришлось признать, что тварь исчезла самым таинственным образом. Ведь не могла же она просочиться сквозь наглухо закрытое окно с двойными стёклами!

Как и баронесса Зиммерштадт, супруги решили сохранить происшествие в тайне. Главным образом потому, что оно могло скомпрометировать их.

Спустя месяц, поздно вечером, на Гончарной улице, застроенной доходными домами, остановилась карета. Из неё вылез доктор Горацио Нодли — полноватый мужчина пятидесяти лет, в тёплом пальто, в цилиндре и с тростью. Он вошёл в парадное, поднялся по лестнице и остановился перед дверью квартиры номер пять. Дёрнул за верёвку звонка. Никто не отозвался. Доктору пришлось ещё несколько раз потревожить колокольчик.

Наконец дверь раскрылась и показался хозяин квартиры — молодой преуспевающий художник Дэймон Росс. Выглядел он усталым, был небрит, одет в домашний халат и шлёпанцы на босу ногу.

— А, дядюшка! — воскликнул он, криво улыбнувшись. — Право, я думал, вы приедете завтра и потому не подготовился к вашему визиту. Но проходите. Не обращайте внимания на беспорядок.

Нодли снял цилиндр и повесил на крюк в прихожей. Дэймон помог ему избавиться от пальто.

Приглаживая редкие волосы на лысине, доктор прошёл в большую комнату, заставленную подрамниками и холстами.

— Я слышал, твои дела обстоят неблестяще, — сказал он.

— В последнее время я не могу работать нормально... — начал Дэймон, но доктор его

решительно перебил: — Конечно не можешь, ведь ты не вылезаешь из увеселительных заведений и сомнительных салонов! — Он скептически оглядел молодого человека и покачал головой. — Что сказал бы твой покойный отец, если бы увидел тебя в таком виде! Недаром старина Сэм возражал против твоего увлечения живописью. Тебе надо было поступить на юридический факультет, и сейчас бы ты работал в солидной адвокатской конторе, имел бы приличный доход.

Нодли был двоюродным братом отца Дэймона, и считал своим долгом время от времени навещать племянника, чтобы дать ему пару-другую полезных советов, воздерживаясь, разумеется, от одолживания денег. К советам Дэймон не прислушивался, из-за чего, по мнению Нодли, и происходили все неприятности в жизни молодого человека.

— Свой путь я избрал для себя сам, — заявил Дэймон. — Впрочем, сейчас я бы не хотел говорить на эту тему. Или, по крайней мере, мы можем обсудить её позже. Сэр, я позвал вас к себе как врача.

— Я не удивлён, — сказал Нодли, усаживаясь в кресло — единственное, не заваленное одеждой, выжатыми тюбиками, банками и прочими вещами, которыми была захламлена вся комната. — Это закономерный результат твоего образа жизни. Беспорядочные связи именно этим и кончаются.

Дэймон нетерпеливо передёрнул плечом, его бледное лицо исказилось гримасой.

— Я не это имел в виду... — заговорил он, но гость уже составил мнение о его проблеме.

— Не нужно оправданий, Дэймон! Если бы ты последовал моему совету и женился на мадемуазель Эстеле, то сейчас бы не нуждался в услугах венеролога. Ты жил бы нормальной семейной жизнью, как все порядочные люди.

— Вы уже решили, что у меня сифилис! — закричал Дэймон.

— О том, что у тебя такое, позволь судить мне. Я всё-таки специалист в этих вопросах... — Нодли вынул из внутреннего кармана маленькие очки в тонкой оправе и водрузил их себе на нос. — Раздевайся. Я должен тебя осмотреть.

— Я, конечно, болен, — проговорил художник, нервно пройдясь по комнате. — У меня проблема с членом, но это не венерическая болезнь.

— Дэймон, не стесняйся. Сейчас перед тобой не дядюшка твой, а врач.

Росс остановился перед ним и поправил на себе халат. Нодли пришло в голову, что под этим халатом голое тело. «Не удивлюсь, — подумал он, — если в одной из комнат этой квартиры окажется какая-нибудь девица — из тех, что постоянно ошиваются в кафешантанах...»

— Надеюсь, вы сохраните мою тайну? — спросил молодой человек.

— Разумеется. Мог бы и не спрашивать.

— Всё началось полтора месяца назад, поздним октябрьским вечером, — начал Дэймон и вдруг умолк, скрипнув зубами.

Нодли подался к нему корпусом.

— Что началось полтора месяца назад? Ну же, говори смелее. Нет ничего, что не мог бы понять врач.

— Боюсь, вы не поймёте даже как врач... — сдавленно пробормотал Дэймон. — Это странно... непостижимо... А, впрочем, смотрите сами!

Он резким движением распахнул на себе халат. Нодли был прав: под халатом было только голое тело.

Едва взглянув на него, доктор не смог сдержать удивлённого возгласа.

— Что такое? Где твои гениталии?

В паху Дэймона было голое, гладкое место. Там не было даже волос. Бледно-розовое пятно, как будто мошонку с членом аккуратно срезали вместе с кожей, и это место затянулось новой кожей — девственно розовой и чистой.

Нодли встал из кресла, взял со стола подсвечник с горящими свечами и поставил его на пол перед молодым человеком. Наклонился к его паху. Потом присел перед ним на корточки.

— Тебя оперировали? — спросил он, коснувшись пальцами гладкой поверхности между ног Дэймона. — Но почему я не вижу швов?

— Нет никаких швов, — выдавил Дэймон.

— Но позволь... Здесь нет даже отверстия для выхода мочи... Как же ты справляешь нужду?

— Терплю, пока он не вернётся.

— Кто? — не понял доктор.

— Член, — ответил Дэймон. — Он уходит, а потом возвращается.

«Бредит», — подумал Нодли, возвращаясь в кресло.

— Рассказывай, что с тобой случилось, — потребовал он.

— В первый раз он ушёл полтора месяца назад, — глухо проговорил Дэймон.

— То есть как — ушёл?

— Отвалился от моей промежности и ушёл. Вообще-то он не ходит, а прыгает, как лягушка. А ещё он умеет просачиваться сквозь стены. Когда он уходит, искать его бесполезно. Он пропадает. Куда — в точности сказать не могу, хотя у меня есть кое-какие предположения по этому поводу... Он пропадает минут на тридцать — сорок. Это всегда происходит по вечерам, ближе к полуночи. Поэтому, кстати, я и просил вас приехать ко мне именно в это время, чтобы вы могли убедиться сами.

Нодли, отдуваясь, вытер платком вспотевшую лысину.

— Ничего не понимаю.

— А как мне говорить, чтобы вы поняли? Я рассказываю всё так, как было. — Дэймон подошёл к окну и в потемневших стёклах отразилось его худощавое лицо с всклокоченными волосами. — В первое время он уходил нечасто. Примерно раз в неделю. А сейчас — почти каждый вечер, и это меня по-настоящему пугает!

— Испытываешь ли ты боли, тошноту, головокружения? — осведомился Нодли.

— Нет. Я испытываю нечто совсем другое... — Дэймон приблизился к нему.

Халат на нём был распахнут. Доктор не сводил глаз с розового пятна на его промежности.

— Что же?

— То, что испытывают во время полового акта. Через какое-то время после его ухода на меня накатывает... ну, скажем так, сексуальное возбуждение. Члена нет, но у меня такое чувство, что он по-прежнему на мне, чёрт его возьми, и что он входит в женское влагалище! Во время его отлучек я сохраняю с ним связь. Возможно, тут замешана телепатия, но я его чувствую. Я чувствую, как он входит во влагалище. В эти моменты я испытываю оргазм. Жуткий, дикий оргазм, гораздо более острый, чем тот, который я переживал с женщинами до всех этих событий... А потом, когда он возвращается и прилипает к моему паху, его пенис весь день висит как тряпка...

— Друг мой, ты болен не только физически, но и душевно, — пробормотал Нодли.

Он не находил других причин загадочной болезни племянника, кроме той, что у него хирургически удалены гениталии. Кто-то проделал операцию настолько искусно, что даже не

видно было швов. А рассказы про уходы члена и всё остальное — признак душевного расстройства.

— Тебе надо успокоиться, — прибавил он мягко. — Уехать подальше от столицы, пожить уединённо в домике у моря...

Дэймон резким движением сбросил с себя халат. Сейчас он был похож на статую, у которой вместо гениталий было тщательно отполированное ровное место.

— Я вижу, вы мне не верите. Ничего, сейчас сами убедитесь.

Нодли покрылся холодным потом. Племянник явно сходил с ума.

— Дэймон, возьми себя в руки. Ещё не всё потеряно. Я покажу тебя хорошему хирургу.

Думаю, он лучше меня разберётся, что с тобой произошло...

Дэймон вдруг насторожился и поднял палец, призывая к тишине.

— Тише, сэр... Кажется, он уже здесь.

Сначала Нодли казалось, что где-то в соседней комнате прыгает лягушка. Внезапно звуки прыжков зазвучали совсем рядом. Неведомая лягушка приближалась не со стороны приоткрытой двери, откуда должна была приближаться, а со стороны массивного письменного стола.

Наконец из полумрака на освещённый пол выпрыгнуло странное существо. Нодли вскрикнул от изумления. Это была мошонка с пенисом!

— Пришёл, — проговорил Дэймон. — Ну, давай же, приятель, лезь на своё место. Если уйдёшь ещё раз, я тебя отрежу! Вот увидишь, отрежу!

На глазах поражённого врача гениталии подпрыгнули и приклеились к животу Дэймона. Сначала мошонка с пенисом топорчились в районе пупка. Потом всё это хозяйство неторопливо сползло вниз и оказалось на своём законном месте.

— Можете потрогать его рукой, он держится крепко, — сказал Дэймон.

— Невероятно, — сдавленно прохрипел Нодли, поднимаясь из кресла. — Я ещё приду к тебе, — он вышел в прихожую, оглядываясь на племянника. — Приду с хирургом... — Посмотрите, он измазан спермой, — говорил Дэймон. — Опять окунулся в чьё-то влагалище, мерзавец. Если бы знать — в чьё... И ведь я ничего не могу с ним сделать, ничего, и это меня бесит! Нодли схватил цилиндр и пальто.

— Мне надо тщательно всё обдумать, — сказал он, выходя из квартиры. — Случай очень необычный... Увидимся, Дэймон!

И он устремился вниз по лестнице.

Через два дня, рано утром, его срочно вызвали в один из особняков в восточной части Аддисберга, населённой преимущественно аристократией. Было ещё темно. вот тогда-то мой член и покидал меня. Потом наступал бурный оргазм, я мысленно сжимал в объятиях очередную красотку и почти физически ощущал, как мой член, которого в этот момент не было на мне, брызжет спермой... Нодли подошёл к портрету и коснулся рукой холста — в том месте, где были изображены гениталии.

— Погладьте его, доктор, погладьте, мне приятно, — сказал Дэймон, разваливаясь в кресле.

— Что? — Нодли обернулся к нему.

— Когда вы гладите член на холсте, мой настоящий член это чувствует, — ответил художник.

— В самом деле?

Дэймон спустил с себя штаны и трусы и задрал рубашку, обнажив свой детородный орган. Тот был совсем небольшим, сморщенным и вялым, но когда доктор начал водить рукой по

гениталиям на картине, настоящий член художника проявил некоторые признаки жизни.

— Если хотите убедиться, проведите эксперимент, — сказал Дэймон. — Вон в той коробке есть иголки с нитками; возьмите иголку и уколите член на холсте. Только слегка. Вы увидите, что выступит кровь. Не на холсте, а вот здесь, — и он обхватил руками свой пах.

— Я почему-то не сомневаюсь, что так и будет, — пробормотал доктор. — Однако, пожалуй, уколем для полной ясности.

— Колите между пенисом и мошонкой, вот сюда, — Дэймон отвёл в сторону пенис и пальцем показал, куда нужно колоть.

Нодли ткнул иглой в холст. Дэймон вздрогнул от боли, но рук от своих гениталий не оторвал, продолжая демонстрировать доктору то место, которое соответствовало уколотому месту на холсте.

Поправив очки, доктор наклонился к его паху. На коже, которую оттягивал Дэймон, выступила капелька крови. Нодли промокнул её платочком.

— Конечно, я мог бы сказать, что это самовнушение, — сказал он после короткого раздумья.

— Такое редко, но бывает. Например, стигматы, которые появляются на руках и ногах некоторых религиозных фанатиков... Но у тебя явно другой случай.

— Ещё пару недель назад он хотя бы руководствовался моими желаниями, — сообщил Дэймон уныло. — Он уходил, когда я принимался думать о какой-то конкретной женщине, которую видел в тот день. Но в последнее время я никуда не выхожу и о женщинах стараюсь не думать, насколько это в моих силах. Но он продолжает уходить! Он насилует кого-то, я это отлично чувствую, но кого — понятия не имею...

Нодли придвигнулся к портрету второе кресло и уселся в него.

— Скажи, Дэймон, ты знаком с леди Паулиной Райзингэм? — спросил он.

— Не имею чести.

— Ты хотя бы знаешь, о ком речь?

— Без понятия, хотя фамилию Райзингэм я, конечно, слышал. Она известна в Аддисберге, — художник мрачно взглянул на Нодли. — Стало быть, мой член изнасиловал эту Паулину?

— Да, и не далее как сегодня ночью.

Дэймон задумался.

— Самое смешное, что я её совершенно не помню. Не знаю даже, как она выглядит...

Возможно, я мельком видел её в Опере или на балу... Подозреваю, что он начал насиловать женщин, которых я видел когда-то давно или мельком и о которых думать забыл. Наверняка и бедняжку Паулину я видел всего пару секунд, а он вытащил её образ из моей памяти.

— Наука твой случай объяснить не в состоянии, — произнёс Нодли тоном, словноставил окончательный диагноз.

— Скоро он начнёт насиловать первых встречных баб! — воскликнул Дэймон и в сердцах щёлкнул по пенису пальцем. — Он ненасытен! Больше всего меня бесит, что я не знаю, кого он трахает. При таком раскладе он запросто наградит меня сифилисом. В прошлую среду, вскоре после его возвращения, я обнаружил у себя в паху какую-то сыпь, которая чесалась весь день.

— А ты пробовал смыть его с портрета или закрасить? — спросил Нодли.

— Эта мысль пришла мне в первую же ночь, — ответил художник. — Но как только я начал стирать его спиртовым тампоном с холста, что-то стало твориться с моим собственным членом. Я удалил с портрета половину пениса, но при этом исчезла половина моего,

настоящего. Исчезла совершенно безболезненно, как будто растворилась в воздухе! И появилась только когда я восстановил пенис на холсте.

Нодли промолчал. Он сидел, закинув нога на ногу, и смотрел на портрет. Крупный мужской ствол с мохнатой мошонкой казался на нём чем-то чужеродным. Как будто к прекрасной обнажённой девушке присосалось жуткое живое существо.

— Если хочешь, я могу созвать консилиум, — сказал наконец он. — Тебя осмотрят светила мировой науки. Это никоим образом не поможет, зато вызовет огласку, которая не нужна ни мне, ни тебе, ни тем женщинам, которые подверглись насилию.

— Не надо никаких светил, — пробурчал Дэймон. — Вы знаете, дядюшка, я много думал по этому поводу, и вот что мне пришло в голову. Пожалуй, я изобразжу на портрете другой член. Вместо своего.

— Попробуй, — кивнул доктор. — Только действуй осторожно, и желательно, чтобы я при этом присутствовал.

— Изобразжу не просто другой член, — продолжал художник, — а конкретный член, принадлежащий определённому человеку. Может, проклятье портreta перейдёт на него...

— Желательно, чтобы твой натурщик принадлежал к самым низшим слоям общества и не догадывался о том, зачем тебе понадобилось изображать его гениталии, — сказал доктор.

— Сегодня же разыщу такого человека и вечером доставлю сюда, — сказал Дэймон.

— В таком случае, я приеду вечером, — пообещал Нодли, вставая. — Без меня не начинай никаких переделок в картине. Я должен наблюдать за ситуацией.

Вернувшись в этот день к себе, доктор Нодли отменил приём больных. Прислуга слышала, как он ходит в кабинете из угла в угол, что случалось с ним только в минуты сильного волнения. Едва только начал стущаться вечер, он приказал закладывать карету.

В комнате, где стоял портрет баронессы Зиммерштадт, Нодли застал некоего невзрачного субъекта на вид лет двадцати восьми — тридцати, весьма неряшливо одетого, с накрашенными губами и подведёнными тушью глазами. При одном взгляде на него можно было без труда догадаться, к какой группе населения он принадлежит и чем занимается. К моменту прибытия Нодли он разделся почти догола, оставил снять трусы.

— Это кто, твой папаша? — спросил субъект у Дэймона, дурашливо засмеявшись.

— Не задавай лишних вопросов, — ответил художник. — Позировать будешь при нём.

— Только позировать? — жеманяясь, проговорил субъект. — А я-то думал, мы ещё и перепихнёмся.

Скудного вечернего света, лившегося из окна, явно недоставало, и потому справа и слева от портreta стояли подсвечники с горящими свечами. Субъект расположился на софе за портреом.

— Снимай трусы, — потребовал художник.

— Без проблем, — и субъект, задрав ноги, освободился от этого последнего предмета одежды. Дэймон поставил возле него подсвечник.

— Джимми, у тебя потрясающий член, — заметил он. — Именно такой мне и нужен.

— Всегда пожалуйста, только рот разинь пошире.

— Веди себя пристойно в присутствии джентльмена! — оборвал его Дэймон, кивая в сторону доктора. — А что касается твоего члена, то его надо изобразить в состоянии эрекции.

— Для этого я должен возбудиться, — с ухмылкой ответил натурщик, поигрывая своим хоть и крупным, но дряблым пенисом. — Вот если бы ты взял его в рот, а? Тогда он сразу вскочит.

— Ещё чего. Просто дроши.

Взяв палитру, Дэймон принял выжимать на неё краски из тюбиков.

— Нашёл его на набережной Наяд, — негромко сообщил он Нодли. — Там таких полно.

Согласился позировать в голом виде за две гинеи.

— Что ж, прекрасно, — доктор уселся в кресло перед портретом.

— Эй, Джимми, — крикнул Дэймон. — Мне нужно изобразить твой член, больше ничего! Ни твоего тела, ни тем более твоей физиономии. Но пенис ты должен представить мне в самом лучшем виде.

Джимми с кислой физиономией дрошил минут пять.

— Надо, чтобы его пососали, — сказал он капризно. — Если его кто-то сосёт, кто мне нравится, то он встаёт за одну минуту. Ты мне нравишься.

— Я не гомик, поэтому никаких разговоров на эту тему, понял? — ответил Дэймон жёстко. — Делай, что говорят, а то за две гинеи я найду другого пидора.

— Тогда хотя бы разденься догола, — сказал натурщик. — Я буду на тебя смотреть и дроширь.

— Ничего, и так встанет.

Доктор пошевелился в своём кресле.

— А он, пожалуй, дело говорит, — прошептал он. — Тебе следует раздеться, Дэймон, чтобы я мог всё время видеть твои гениталии.

Художник помедлил, потом отложил палитру и кисть.

— Ладно, — сказал он, обращаясь к Джимми. — Так и быть, если это поможет делу.

— Поможет, не сомневайся.

Дэймон начал раздеваться. Джимми дрошил, не сводя с него заблестевших глаз.

— Видишь, он уже встаёт...

Голый художник, взяв кисть, наклонился к его члену, чтобы получше рассмотреть.

— Одно родимое пятно на левой мошонке, ещё два — на пенисе... — пробормотал он, смешивая на палитре краски.

Джимми вдруг всем телом подался вперёд и коснулся концом пениса его рта. Дэймон отпрянул, а натурщик расхохотался.

— Мой жеребец почувствовал вкус твоих губ, — закричал он, — значит, дело у нас пойдёт! Я буду дроширь и мечтать, как он входит в твой рот. Смотри, как он сейчас набухнет.

— Ты мерзавец, — пробурчал художник, отплёвываясь. — Если бы мне не надо было нынче же вечером закончить картину, я бы тебя отодрал ремнём.

Он вернулся к холсту и начал накладывать краски на прежнее изображение гениталий.

Нодли даже привстал, вглядываясь в пенис, болтавшийся между его ног.

С пенисом ничего не происходило.

Работа шла быстро. Дэймон переходил от портрета к натурщику, несколько секунд изучал его напрягшийся орган, потом возвращался к портрету. Нодли уже не сидел, а стоял возле картины, переводя взгляд с изображения на гениталии Дэймона. Иногда он посматривал и на Джимми, вздыбленный пенис которого ему был отлично видел.

— Терпи, терпи, не брызгай, — говорил художник. — Я ещё не закончил, поэтому должен видеть твоего жеребца во всей красе...

— Не могу, — взывал вдруг Джимми. — Я представил, как я засовываю его тебе в рот... Я сейчас кончу...

— А ты не представляй.

— Не могу... Я завожу его тебе по самые яйца...

Из пениса вдруг исторглись белые брызги, заливая грудь и живот Джимми. Он шумно задышал и откинулся на софе, переводя дыхание. Обмяк и его член.

— Всё в порядке, — сказал Дэймон, — я тоже кончил. Осталось всего несколько мазков. Через пару минут он отошёл от холста, разглядывая своё творение.

— Очень похоже, — одобрил доктор.

— Этот член вышел у меня, пожалуй, лучше, чем мой собственный, — сказал художник. — Теперь остаётся ждать. Если в течение ближайшей пары недель ничего не произойдёт, значит, я свободен от этой чёртовой напасти.

— Хорошо бы записать адресок этого субъекта, — заметил доктор. — А то, возможно, нам придётся его разыскивать...

Дэймон подошёл к Джимми, который в эту минуту раскуривал от свечки огрызок сигары.

— Получай свои деньги, — сказал он, — только скажи мне, где тебя найти в случае чего.

— А зачем меня искать? — спросил Джимми, протягивая, однако, руку за монетами. — Ты же не интересуешься мужчинами.

Художник сжал монеты в кулаке.

— Очень ты мне понравился, — соврал он. — Имеешь шанс стать моим постоянным натурщиком. Буду платить хорошо.

— Придёшь вечером на набережную Наяд и спросишь у первого попавшегося парня, где найти Джимми Свейла. Тебе скажут.

Получив монеты, он оделся и ушёл. Художник тоже хотел было одеться, но Нодли попросил его пока остаться голым.

— Наш эксперимент не закончен, — напомнил он. — Я останусь у тебя на всю ночь, чтобы наблюдать за твоими гениталиями, а для этого я должен их видеть.

— Как скажете, док, — ответил Дэймон.

Он подтащил второе кресло поближе к портрету и уселся. В соседнем кресле сидел Нодли, разглядывая голую баронессу Зиммерштадт с мужским членом между ногами. Время от времени он бросал взгляд на член Дэймона.

Художник курил и тоже смотрел на портрет. За окном сгустилась ночь. Слышно было, как в прихожей идут стенные часы.

— А ведь ещё совсем недавно я был без ума от этой дамочки, — сказал Дэймон, выдохнув дым.

— Любовь иногда проходит очень быстро, — отозвался Нодли.

Дэймон в сомнении покачал головой.

— Я её действительно любил. И то, что любовь исчезла внезапно, в одну ночь, я приписываю к череде этих чёртовых событий, которые меня постигли.

Часы в прихожей пробили одиннадцать. Ничего не происходило. Дэймон сидел, развалившись, и держался рукой за член, как будто в самом деле боялся, что тот отлипнет от него.

Гулко прозвенел ещё один удар: часы отмерили половину двенадцатого.

Внезапно огоньки свечей метнулись, как будто налетел сквозняк. В следующую минуту они выровнялись, и тут раздался шлётпающий звук, долетевший откуда-то из прихожей. И художник, и Нодли вздрогнули.

— Вы ничего не слышали, док?

— Слышал, — ответил Нодли. — Очень похоже на...

Он недоговорил, потому что шлёпающий звук раздался снова, причём он исходил уже из прихожей, а из комнаты, где находились мужчины.

— Мой член на своём месте, — несколько взвинченно произнёс художник.

Он подошёл к комоду, стоявшему в углу, выдвинул ящик и извлёк из него кинжал с восемнадцатидюймовым лезвием.

Поднялся и Нодли, оглядываясь. Судя по звукам, прыгающая тварь находилась где-то в полумраке за портретом.

— Вон оно! — закричал Дэймон, показывая кинжалом куда-то слева от себя.

Нодли сразу узнал гениталии натурщика. Только это были настоящие гениталии, а не изображённые на портрете, хотя и очень походили на них.

Дэймон в ужасе пятился, выставив перед собой кинжал; налетел на кресло, перевалился через подлокотник и плашмя грохнулся на пол. Кинжал выпал из его рук.

Встать художник не успел: тварь подпрыгнула и шлёпнулась прямо на его лицо.

Поворочалась на нём, перевернулась и, слегка подскочив, вздыбленным пенисом уткнулась прямо в губы. Не было сомнений, что она пыталась ввести пенис в рот. Дэймон дёргал головой, пытаясь стряхнуть с себя волосатое чудовище, но оно держалось на нём и постоянно двигалось, видимо устраиваясь удобнее.

— Док, снимите его с меня, — сдавленно выкрикнул художник.

Для того, чтобы это сказать, ему пришлось раскрыть рот, и в ту же минуту пенис вонзился в него. Дэймон издал утробный звук, захрипел и схватился за тварь обеими руками, но та уже начала дёргаться, с каждым содроганием всё глубже погружая пенис в горло.

Нодли, весь дрожа, схватил упавший кинжал. Однако на укол острым концом тварь никак не отреагировала, продолжая дёргаться на несчастном Дэймоне. Тот покраснел, глаза его округлились, он прерывисто дышал, пытаясь набрать в грудь воздуху, но тварь не давала дышать не только ртом, но и носом, закрыв ноздри своей мошонкой.

Нодли нанёс ещё один удар. Потом ещё один. Кинжал был не в состоянии пробить кожу на мошонке! Она слегка поддавалась, но отталкивала от себя лезвие, как будто была сделана из сверхпрочной резины.

— Дэймон, кусай его, грызи пенис! — закричал Нодли, отчаявшись заколоть тварь.

Задыхающийся художник издал невнятный мычащий звук. Доктор без слов понял его: перегрызть пенис было невозможно. Тварь насиловала Дэймона в рот, не обращая внимание на все старания избавиться от неё. Оставалось ждать, пока она разрешится семенем и обмякнет. Но когда это случится? К тому времени художник может быть задушен...

Блуждающий взгляд Нодли остановился на портрете. Между ним и ожившим членом должна быть какая-то связь. Укол иглой, нанесённый изображению, отзывался болью на настоящий гениталиях. Нодли подскочил к холсту. В этот момент член начал исторгать сперму; Дэймон захлёбывался в ней, дёргаясь в конвульсиях. Нодли ударил по холсту кинжалом и пропорол его насквозь. Обернувшись, он покрылся ледяным потом: с катанинской тварью ничего не случилось! Она продолжала дёргаться, заливая спермой горло художника!

Тогда Нодли схватил подсвечник и поднёс к портрету горящие свечи. Холст запыпал. Но и это не произвело действия на демоническое существо. Сделав своё чёрное дело, оно отпало от головы Дэймона и зашлёпало в темноту. Его обмякший пенис болтался из стороны в сторону.

Нодли с подсвечником кинулся за ним, но тот успел скрыться за сундуком. Осветив все углы, доктор убедился, что тварь пропала бесследно.

Пламя с портрета перекинулось на гардины. Нодли, понимая, что надо уходить, взял племянника под мышки и выволок в прихожую. Дэймон не проявлял признаков жизни. Его лицо, перепачканное спермой, быстро бледнело. Нодли спустился вниз за кучером и привратником, те вынесли художника из дома и уложили на сиденье кареты.

Через десять минут карета остановилась у дверей больницы. Попытки врачей спасти молодого человека ни к чему не привели.

На следующий день в Аддисберге только и говорили, что о сенсационном происшествии, случившемся ночью. О нём трезвонили газеты, толковали на рынках и в кабаках. Но касалось оно не Дэймона Росса, а некоего Джимми Свейла, бездомного гомосексуалиста тридцати лет. Незадолго до полуночи он в одиночестве сидел на скамейке близ набережной Наяд. Внезапно его охватило пламя. Оно было таким сильным, что Свейл сгорел за считанные минуты. Самое странное, что деревянная скамейка осталась практически цела, в то время как тело превратилось в пепел. Причину возникновения такого сильного огня установить не удалось. Нашёлся, впрочем, свидетель, приятель Свейла, который утверждал, что в тот вечер у Джимми исчезли половые органы. Этот приятель будто бы собственными глазами видел, как эти органы, передвигаясь прыжками, подскочили к Свейлу и припечатались к своему законному месту в пауху, после чего вспыхнули необычайно сильным огнём. Вслед за гениталиями сгорело и всё тело Свейла. Но этот приятель был конченым наркоманом и к его свидетельству отнеслись как к бредням обкурившегося опиума.

Бульварная скамейка, на которой сидел Свейл, превратилась в место паломничества любопытных аддисбергцев. Досужая публика разглядывала чёрный силуэт на ней и высказывала самые фантастические предположения.

Гораздо меньше интереса вызвал пожар, случившийся в ту ночь на Гончарной улице. Газеты сообщили, что в нём погиб известный художник Дэймон Росс, задохнувшись в дыму. Сопоставить это событие с происшествием на набережной Наяд никому и в голову не пришло. Нодли же благоразумно хранил молчание.